

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ

Т.В. Владимирова

РАЗВИТИЕ СТРУКТУР НАКОПЛЕНИЯ И УСКОРЕНИЯ ДЕВИАЦИИ КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье ставится проблема безопасности общества как устойчивости социального порядка в условиях нарастания девиации / варьирования. Обращаясь к значению девиации для системы общества в традициях Э. Дюркгейма, автор анализирует теорию эволюции Н. Лумана, которая развивает видение девиации как нарастающих потоков варьирования коммуникаций. Основная идея заключается в том, что в связи с появлением «семантической гипертрофии варьирования» система общества вырабатывает новую «формулу спасения» социального порядка, которая заключается в развитии сетевого коммуникативного пространства. Сеть имеет уникальное свойство — безгранично реализовывать потребность в Неотрицаемом. В этом смысле можно говорить, что развитие сетевых коммуникаций «спасает» упорядоченность общества, локализуя аномию в виртуальном сетевом пространстве.

Ключевые слова: *безопасность общества, девиация/варьирование, структуры накопления и ускорения варьирования, семантическая гипертрофия варьирования, сетевые коммуникации.*

Keywords: *network communications, public safety, deviation / variation, acceleration and accumulation of variation, the semantic hypertrophy of variation.*

В современной социальной теории утвердилась мысль о том, что рост разнообразия социальных ситуаций ведет в том числе к все большему обобщению социальных норм. Это, в свою очередь, предполагает, что индивиду необходимо все больше свободы для создания своих собственных определений ситуации. Регуляция поведения в любом социальном образовании становится все сложнее. Растет разрегулирован-

ность социальных коммуникаций, что ведет к разладу социальной системы общества в целом.

Состояние общественного сознания в современном обществе входит в противоречие с меняющейся реальностью. Наиболее дальновидные мыслители предупреждают: мир, к которому привыкли, который был многие годы не самым плохим вариантом человеческого общежития, обречен. И. Валерстайн отмечает, что ближайшие 25–50 лет окажутся ужасными для общественных отношений, будучи временем распада существующей исторической социальной системы и перехода к неясной пока альтернативе (Валерстайн 2003). Современная цивилизация отягощена грузом нерешенных проблем, угрожающих самому ее существованию. Простое перечисление основных конфликтов и противоречий, угрожающих будущему мира, свидетельствует, что все они коренятся в отсутствии рационального согласования интересов индивидов, обществ, поколений, т. е. в недостаточно высоком уровне рационализации социальной системы, отстающем от требований творческого, вариативного процесса усложнения коммуникаций, от различного рода девиаций.

В связи с этим мы обращаемся к проблеме безопасности общества в условиях роста интенсивности социальных коммуникаций. На наш взгляд, тема безопасности представляет собой прагматический срез высоких социальных теорий и отбор и формирование тех основных понятий, которые непосредственно помогают конструировать различные аспекты видения проблемы устойчивости социума и социального.

Современность требует высоких темпов экономического и социального развития. В России сегодня на поверхность дискуссий и программ выходят понятия модернизации и инновации. Необходимость инновационного развития — общее место для многих современных текстов, посвященных анализу жизни российского общества. Социальные изменения, нововведения, скорость нововведений, формирование центров инновационного развития — ценности дня, реализация которых требует творческого потенциала личности, реализации прав и свобод, а значит, все большей свободы от структурных ограничений социальной системы общества. По выражению Н. Лумана, все более важной становится потребность в Неотрицаемом (Луман 2005: 66). Развитие современного коммуникативного пространства связано с ростом процессов демассификации и дестандартизации социальной жизни. Традиционная упорядоченность социальных отношений (или устоявшиеся механизмы социальных ограничений) необходимым образом должна отступить или видоизмениться, т. е. выработать иной, новый социальный порядок. Возможно ли это в условиях процессов глобализации, ведущих к смешению

нию культур и к их гибридизации? Не приведет ли подобная дестабилизация существующих структур жизни к аномии или даже к катастрофе (самоуничтожению, в частности, нашего общества)? Где те новые коммуникативные генерации, которые призваны упорядочить новое состояние общества, воспроизводить социальное? В чем их специфика? Считаю, что сегодня необходимо формирование теории безопасности общества в предметном поле социологического знания.

Социальная безопасность как устойчивость социального порядка в условиях девиации

В литературе устоялось представление о безопасности как о состоянии устойчивости, стабильности общественного организма по отношению к любым попыткам давления на него и как свойство социальной системы сохранять и воспроизводить эту устойчивость. Безопасность определяется как сложная система — совокупность связей и отношений, характеризующих такое состояние социального объекта, при котором обеспечивается его устойчивое, стабильное существование, удовлетворение и реализация жизненных потребностей, способность к эффективному парированию внутренних и внешних угроз, саморазвитию и прогрессу (Манилов 1995). С другой стороны, безопасность рассматривается как атрибутивное свойство системы, характеризующее состояние ее целостности, устойчивости, относительной самостоятельности и способности к саморазвитию как результат защищенности системы от деструктивных действий (Ивашов 2000: 7). А.А. Сацута определяет безопасность как свойство социума сохранять свою целостность, относительную самостоятельность и устойчивость, способность к развитию (Сацута 2007). А.Л. Романович, рассматривает безопасность как «...внутреннее свойство стабильной системы в условиях конфликта, риска, угроз» (Романович 2002: 25).

К пониманию социальной безопасности (безопасности общества) я предлагаю подойти через сопоставление понятий социального порядка и девиации как вариативной социальной коммуникации (практики). Социальный порядок во все времена является ценностью, как для отдельного человека, так и для социальной системы общества, поскольку обеспечивает стабильность — условие благополучного существования общества. В каком смысле стабильность — условие благополучия? Любой человек желает и для себя, и для своих детей определенности и порядка в обыденной жизни, и в обществе в целом. Ощущение стабильности и упорядоченности окружающих вещей, уверенность в завтрашнем дне является для человека условием «онтологической безопасности» (Гидденс 2003). Можно сказать, что обеспечение безопасности пер-

вично, оно является необходимым основанием любой социальной деятельности, творческой реализации личности. Общеизвестно, что упорядоченность социальных взаимодействий гарантируется исполнением индивидами социальных норм. Социальные нормы определяют интервал допустимого поведения. Элементами системы общества являются коммуникации, которые составляют связи и отношения между социальными субъектами. Система отслеживает и контролирует свою устойчивость и воспроизводство. Основанием этого служит ценностная и нормативно-правовая система социальных отношений. Различные нарушения социального порядка и даже попытки его нарушить вызывают в системе естественную реакцию защиты своей целостности и упорядоченности.

Теория девиантного поведения утверждает, что личность человека в преследовании своих интересов и потребностей всегда, так или иначе, вступает в противоречия с нормативными, правовыми и ценностными системами, которые лежат в основаниях социального порядка общества. В процессе социализации всякий раз мы усваиваем правила, нормы поведения, чтобы естественным образом встраиваться в систему общества. Но человек по своей природе является существом, преследующим цели своих желаний и устремлений, своей самореализации. Часто совместная жизнь людей характеризуется не сотрудничеством, а конкуренцией и даже конфликтом. Общеизвестно утверждение Т. Гоббса, что в отсутствие консенсуса (т. е. общепринятой системы ценностей и норм) в обществе естественное состояние людей — «война всех против всех». Реализуя свои цели, индивид сталкивается с нормативными ограничениями и другими системными противодействиями своим интересам. Настаивая на реализации собственных интересов, индивид различным образом оказывает противодействие устоявшемуся социальному порядку общества. То, в свою очередь, вырабатывает систему социального контроля, которая в своих функциях коррелирует с работой системы обеспечения социальной безопасности. Обеспечение безопасности в обществе призвано сбалансировать конфронтационные и другие интересы различных социальных групп ради удовлетворения общих жизненно важных интересов каждой личности, группы и общества в целом.

Понятие отклонения от нормы носит дифференцированный характер. Под девиантным поведением понимается нарушение любой, в том числе, негласной нормы в обществе. Преступление предполагает нарушение нормы, зафиксированной в уголовном законодательстве, и влечет за собой судебные санкции. Другими словами, не всякое девиантное поведение является преступлением, но всякое преступление входит

в понятие девиантного поведения. Утверждения о девиации, находящейся в диалектической взаимосвязи с социальным порядком, являются устоявшимися в современной криминологии. Выводы о том, что преступление как форма отклоняющегося поведения в обществе имеет естественный характер и неизбежно, понимание девиации как «необходимого и закономерного способа изменения социальных систем, как механизма изменчивости, а следственно, — существования и развития системы» (Тюгашев 2008: 29), для криминолога будут звучать общим местом. В рамках современного социологического знания существует такая дисциплина, как девиантология, которая исследует механизмы взаимодействия отклонений и правового порядка в обществе*. Но обратим внимание на то, что современная теория девиации в большей мере дает анализ мотивов и причин нарушения нормы (теория Р. Мертона, теория «наклеивания ярлыков», теория субкультур и др.). Считаю, что видение взаимосвязи девиации и упорядоченности социальной системы, первоначально заданное Э. Дюркгеймом, развивает теория эволюции Н. Лумана. Теория Н. Лумана позволяет более ясно зафиксировать и проанализировать причины возрастающей опасности сохранности общества и механизмы «спасения» порядка, вырабатываемые системой коммуникации.

Общеизвестно, что девиантное поведение не всегда носит негативный характер, оно может быть связано со стремлением личности, социальной группы к новому, прогрессивному. Социальная система общества не исключает, в принципе, девиантное поведение, а всякий раз частично адаптирует его. Различные отклонения (вариации) от социальных норм в поведении индивидов в том числе являются источником изменения социальной системы и причиной ее развития. Сами девиации делятся на социально одобряемые и неодобряемые. История общества часто демонстрирует нам, как вчерашнее отклонение в поведении индивидов сегодня становится нормой. Важно понимать проблему реализации социальной инновации, под которой мы понимаем любое нововведение в обществе. Как правило, инновация первоначально не принимается социальной системой. Обычно этому препятствуют устоявшийся порядок в профессиональной сфере деятельности общества, неформальные требования, общественная мораль, обычаи и нравы, сама политико-юридическая система. Сегодня мы декларируем важность инновационного развития страны и критикуем косность системы,

---

* Здесь будет достаточно указать на деятельность научной школы И. Гилинского и отдельные работы исследователей этой школы (напр.: Афанасьев, Гилинский 1995; Гилинский 1998; Девиантность и социальный контроль ... 2000).

препятствующей введению инноваций. Но при этом важно понимать, что неконтролируемость и непрогнозируемость различных нововведений в обществе ставит серьезную проблему нарушения устойчивости и воспроизводства социального порядка.

Итак, подытожим предварительные утверждения, которые сегодня специально не проговариваются в социологической теории, т. к. для социолога носят явный характер. Безопасность общества как социальной системы может рассматриваться через анализ и сопоставление понятий «социальный порядок» и «девиантное поведение». Тем самым, социальную безопасность я определяю как свойство социального порядка сохранять и развивать самое себя в условиях девиантного поведения социальных акторов. Порядок всякий раз затрудняет реализацию интересов различных субъектов, но одновременно является основанием их «онтологической безопасности» (Э. Гидденс). Нарушение социальной нормы ведет к подрыву порядка, но одновременно может являться источником его изменения, развития. В современном обществе, где приоритетной ценностью провозглашаются права и свободы личности, растет многообразие интересов различных субъектов. Нарушение нормы становится потенциально тотальным, говорить об устойчивости и упорядоченности социальных отношений становится проблематичным. В таких условиях размывается основание определенности социальной жизни субъекта (личности, общества, государства), возрастает необходимость в обеспечении социальной безопасности. Соответственно, еще более значимой становится роль государства как гаранта безопасности в жизни личности и общества. Куда приведет увеличивающийся разрыв между растущим многообразием социальных интересов различных субъектов, в том числе выраженных в девиациях, и нормативно-правовой упорядоченностью социальной действительности, — вопрос, который требует серьезного научного поиска.

Теория эволюции Н. Лумана в объяснении роли девиации в обществе

Как социальная система общества сохраняет свою упорядоченность в условиях нарастания девиации? Н. Луман объясняет социальную эволюцию как процесс возрастающей дифференциации коммуникации (социальных практик) с последующей рестабилизацией социальных форм жизни. Рост вариативности коммуникации (девиации) служит условием развития социального порядка, но и составляет основную угрозу распада социальной системы. Н. Луман считает, что система общества до сих пор вырабатывала «формулу спасения», которая заключается в создании дополнительных структур ускорения и накопления

девиаций, но всякий раз с возрастанием скорости и многообразия коммуникации / девиации, опасность распада системы общества (контингенции) приближается.

Автор теории самореферентных систем отмечает, что *система общества сама должна уметь себя сохранять*. Эволюция, прежде всего, означает возрастание числа предпосылок, на которые может опираться какой-либо порядок. Благодаря процессу самоусиливающегося отклонения от основ равновероятного распределения возможностей возникает порядок. От этого порядка с большей или меньшей уверенностью можно ожидать наличия таких позиций, субординаций, ожиданий, которые будут зависеть от этого порядка. Таким образом, теория эволюции близка к теории ожидания полезных случайностей. Такое положение дела предполагает прежде всего наличие — способных к стабильности и / или к воспроизводству — систем, которые сами умеют себя сохранять и — ждать, что требует прерывания тесных (по времени) связей между состояниями внешнего мира и состояниями системы (Луман 2005: 10).

С точки зрения Н. Лумана, отныне эволюционная теория использует совершенно иное различие, пришедшее на смену различию «движимое / неподвижное». Она различает не столько исторические периоды, сколько *варьирование, селекцию и ре-стабилизацию*. Таковы основные механизмы социальной эволюции, в которых варьирование и селекция обозначают события, а функция рестабилизации, напротив — самоорганизацию эволюционирующих систем. В теории Н. Лумана *девиация (она же отклонение, вариация, она же инновация)* обязательно предполагает селекцию. Даже если девиация не является позитивной, все равно она имеет место в системе коммуникаций. В этом случае — связанная с определенными операциями — вариация «сходит на нет», не изменив структуры. Все остается таким, каким было. Отбору в этом случае подвергается предшествующее состояние — а не инновация (Там же: 76). Селекция представляет собой двухстороннюю форму — с выраженными позитивной и негативной сторонами. Ре-стабилизация — это последовательности встраивания структурных изменений в систему, операции которой осуществляются под воздействием структурной детерминации. При этом понятие включает в себя понимание, что — хотя это происходит, в том числе, посредством вариаций и селекций — рестабилизация непременно осуществляется посредством собственных операций системы. В любом случае позитивная или негативная селекция приводит к возрастанию «сложности» системы и, соответственно, последняя вынуждена реагировать на нее рестабилизацией. По Н. Луману, эволюционная теория предполагает два различие-

ния — варьирование / селекция и селекция / рестабилизация. Рестабилизация является (системно нескоординированной) реакцией на случайность как на единство различения варьирования / селекции. Сопряжение этих двух различений дает возможность мыслить эволюцию как бесконечный процесс в необратимом времени, в котором всякая достигнутая стабильность — *и по мере роста все интенсивнее* — вновь предполагает отправные точки варьирования.

Позитивные и негативные селекции ставят и определяют проблему стабильности социальной системы. В случае позитивной селекции в систему должна быть введена новая структура. Результаты ее функционирования в дальнейшем должны пройти проверку на жизнеспособность. *В случае негативной селекции система «потенциализирует» отклоненную возможность. Она должна жить вместе с этой отклоненной возможностью, хотя она могла бы ее и использовать. Другие системы, возможно, ее уже использовали или могли бы сделать это в будущем* (Там же: 19). Но это отклонение может оказаться и ошибочным — и таковым оставаться. Отбор, следовательно, не гарантирует хороших результатов. Обратим внимание, что теория эволюции не является теорией прогресса.

Социальный порядок представлен в обществе структурами. *Структуры, вслед за Н. Луманом, я трактую как условия ограничения в области допускающих подсоединение операций (коммуникаций)*. Структуры, повторяясь в различных ситуациях, конденсируют некое разнообразие смысла, которое не поддается точному определению. Они представляются «стабильными» в том случае, если существуют другие структуры, которые навязывают повторное применение первых. *Структуры всегда воплощаются лишь в координировании (ограничении сферы возможного) текущего процесса перехода от одной операции к другой операции. И именно это операционное (коммуникационное) отношение делает возможным эволюцию общественных структур* (Там же: 21–22).

Итак, утверждения о принципах организации и динамики изменения социального порядка кратко звучат так: варьирование (девиация) порождает дифференциацию (отклонение от того, что было обычным прежде). Эта дифференциация требует селекции — выбора в пользу или против инновации. Селекция, если она выбирает новое, в свою очередь с необходимостью запускает каскады приспособительных или ограничительных движений в системе; если же она выбирает сохранение старого, то требуются подтверждения этой опции, поскольку прежде то, что понятно, стало контингентным (неизвестным, неопределенным). В процессе варьирования изменяются элементы системы — коммуникации. «Элементы системы воспроизводят отклоняющиеся элементы (коммуникации). Селекция имеет дело со структурами системы — с на-

правляющими коммуникацию ожиданиями. Руководствуясь отклоняющейся коммуникацией, селекция отбирает такие смысловые отнесения, которые обещают оказаться ценными для выстраивания структур, подходят для их повторного применения и могут оказывать воздействие на процессы образования ожиданий и конденсаций (смысла). Приписывая такие девиантности условиям ситуации, предавая их забвению или даже в явной форме их отклоняя — селекция отбрасывает именно те нововведения, которые представляются непригодными в качестве структур, а значит — в качестве направляющих линий коммуникаций. Рестабилизация характеризует состояние эволюционирующей системы после некоторой успешной — позитивной или негативной — селекции. В ходе дальнейшей эволюции общества функция рестабилизации все больше смещается в ведение подсистем общества, которые должны утвердиться во внутриобщественном внешнем мире» (Там же: 52–53).

На мой взгляд, суть направления эволюции социального порядка можно заключить в одну фразу Н. Лумана: «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» (Там же: 66). Н. Луман пишет *об опасном движении в сторону новых случайных эффектов накопления и ускорения варьирования (девиации)*. Он ставит проблему «формулы спасения» для системы общества. Теоретик убежден, что эволюция была и остается непредсказуемой, и память здесь ничего не может изменить. «Она способна лишь различными формами на нее настраиваться, а именно — согласуясь с коэффициентами ирритации и ускорения, которые проистекают из эволюции. Уже непостижимая онтологически, в самой себе локализуемая культура, видимо, и есть та форма, которая изобрела и усвоила память общества ради приспособления конструкций истории и перспектив будущего общества к тем условиям, которые могут проистекать из перехода к первично-функционально-ориентированной дифференциации и из угрожающего коллапса различения стабильности и вариативности» (Там же: 209). Становится понятным, почему Н. Луман судит о состоянии общества, исходя из таких переменных, как плотность коммуникаций или частота или спецификация информационных импульсов. При этом важно, с его точки зрения, учитывать циркулярный характер усиления девиантности (Там же: 30).

Дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования (девиации): письменность и отказ от экстернализации конфликта

В условиях все большей комплексности социальной системы должны возникать дополнительные структуры накопления и ускорения варьирования коммуникации. Н. Луман считает, что в общественной

эволюции это осуществляется двояким способом: благодаря такому средству распространения коммуникации, как *письменность и с помощью усиления потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам в обществе. Усиление потенциала конфликтов и толерантности к конфликтам происходит благодаря отказу от экстернализации (превращения внутренних, скрытых во внешние, явные) всех конфликтов, как это было характерно для сегментарных примитивных обществ.*

Письменность как коммуникация привносит в общество двойной эффект. Коммуникация может оказывать воздействие на больших пространственных и временных дистанциях и высвобождается из-под давления интеракции. Она получает большую свободу как в производстве (написании), так и в восприятии (прочтении). Такое большее распространение создает возможность одним изменениям производить необозримое множество следующих изменений. *Растет ненаблюдаемость воздействий, что вызывает к появлению новые институции.* Высвобожденные из-под влияния интеракции письменные коммуникации теперь не нуждаются в том, чтобы учитывать мнения присутствующих людей, однако они должны как-то заменить те опоры для понимания, которые прежде состояли в единообразии ситуации. Теперь коммуникация вынуждена эксплицировать себя более отчетливо и исходя исключительно из текста. Это потребовало вербальных форм нового типа, и, прежде всего, формирования понятий с необозримыми вытекающими последствиями. Н. Луман приводит пример такого изменения. «Пока бог обозначался всего лишь *именем*, знать которое нужно было, чтобы мочь к нему обращаться, эта проблема решалась благодаря утаиванию имени. Как только появилось *понятие бога*, получавшее письменную фиксацию, оно приобрело способность конденсировать опыт, требовать уточнений, требовать рассмотрения проблемы его непротиворечивости — короче говоря, вызывало все то, что стало потом заботой средневековой теологии» (Там же: 63—64).

Развитие в обществе способности порождать внутриобщественные конфликты и толерантно к ним относиться, с точки зрения Н. Лумана, составляет второе фундаментальное условие для поддержания и усиления девиации. Конфликт тестирует потенциал отклонения. Он приводит к всесторонней интеграции поведения участников, к непрерывному наблюдению наблюдения и тем самым — к интенсивному информационному обмену. Если результат конфликта получает значение «нет», уже можно исходить из того, что конфликт выдержал первое испытание и доказал свою способность утверждаться в коммуникации. И все же конфликты легко выходят из-под контроля и оказывают возмущающее воздействие на внутриобщественный внешний мир. В более ранних

обществах насильственные действия среди присутствующих лиц осуществлялись гораздо чаще, чем ныне, и, соответственно, имело место чрезвычайно обременительное подавление, отклоняющее конфликты. Это должно оказывать обратное воздействие на готовность произнести «нет»; ведь если кто-то рискует произвести отклонение, после того как другие уже определились в коммуникации, в коммуникацию входит конфликт. Поэтому в небольших обществах, структура которых еще близка к системам интеракции, подавление конфликтов является жизненно важным. С ростом населения и возрастанием сложности (сложности) это условие становится все менее жестким (Там же: 64). Обратим внимание, что такое положение дел характеризует общество, продуцирующее для коммуникаций сложные условия, которые делают возможным достижение большего числа конфликтов и большего мира одновременно. В целом, эти условия развиваются ввиду трех факторов:

1. По мере развития политического господства, способного утвердить свой собственный тип коммуникации, возникает *возможность усилить отклонение коммуникативных предложений того или иного смысла и одновременно снимать с себя бремя вытекающих из этого отклонения возможных конфликтов*. Появляется легитимная сила для подавления нелегитимного насилия. Тот, кто распоряжается ресурсами, может сказать «нет», уклоняясь от ожидаемых от него оказания помощи и материальной поддержки, и при этом может не опасаться конфликтов. Он может концентрировать свои ресурсы. Рестабилитация этого достижения происходит благодаря стратификации общественной системы (Там же: 65).

2. Второй фактор заключается в появлении права. Теперь в обществе *допускаются конфликты, но одновременно они притупляются благодаря тому, что исход спора определяется социальным регулированием или влиянием третьей стороны*. Здесь должны соотноситься процедуры умиротворения спора и, в конечном счете, процесс ориентированного на правила разрешения спора. Н. Луман отмечает, что это производит семантика, осознающаяся как «право». Он приводит пример, когда богатч в любом случае имел возможность вступить в противоречие с предложенным ему любым коммуникативным предложением. Теперь же и бедняк может этим воспользоваться — *если, конечно, он прав* (Там же: 65–66).

3. Третий фактор характеризует «высокосложностное общество». Он заключается в *дифференциации причин конфликтов и тем конфликтов*. Н. Луман отмечает, что унаследованные от марксизма дотошные искания «подлинных» причин конфликта затемняют то, что именно в этой дифференциации причин и тем и состоит эволюционное достижение, поскольку сама система оказывается достаточно большой, чтобы выносить такого рода конфликты (экстернализировать). С расширени-

ем возможностей девиации / варьирования происходят особые трансформации семантики. Чем больше допущено возможностей отклонения, тем более важной становится потребность в Неотрицаемом. Религия, если она берет на вооружение достижения теологии, как раз и способствует совершению этого *опасного движения*. Действительность, которая раньше воспринималась «просто-напросто как то, что не может отрицаться», оказывается творением, всего лишь «видимостью», всего лишь коррелятом сознания. Сегодня же она — как утверждается ныне — всего лишь «конструкция» (Там же: 66–67).

Семантическая гипертрофия девиации / варьирования — главная угроза упорядоченности системы общества

Н. Луман отмечает, что все, что мы можем наблюдать, состоит в ином виде реакции, а именно — в усилении дифференциации варьирования, селекции и рестабиллизации, цикличность которых при радикальных структурных переломах далеко не случайна (таких, как распространение легко усвояемой письменности или форм дифференциации общества). Теперь процесс эволюции селекцию и ре-стабилизацию противопоставляет варьированию как самостоятельные процессы и тем самым создает более высокую степень свободы в преодолении непонятых или не совсем правильно интерпретированных проблем (Там же: 69).

Когда традиционные общества сталкивались с давлением увеличивающегося числа возможных девиаций / вариаций, можно было все еще исходить из необходимости для селекции ориентироваться на Единое, Истинное, Благое. И хотя средства достижения этого «единого космоса» могли оказаться ненадежными, цели не могли подвергаться сомнению. Доверие к единственно верной селекции, в конечном счете, определяющей Совершенство, Покой и Стабильность, получало в стратификации и дифференциации на центр / периферию системы общества тайные дополнительные опоры, необходимость которых, по мнению Н. Лумана, сегодня отпадает. «Отныне Новое начинает цениться как таковое, а понятию “критика” придают смысл отклонения критикуемого, при этом “альтернативы” понимаются уже не как чистые опции, а как варианты, которые — и без более тщательной проверки — представляются более предпочтительными, чем нечто наличествующее» (Там же: 69). *Возникает семантическая гипертрофия варьирования*. Теперь общество ориентируется на новые способы селекции, которые в перспективе уже не предполагают безоговорочной стабильности. «Общество дифференцирует между селекцией и стабилизацией — только потому, что давление со стороны инновации (девиации) усиливается и поэтому должно перерабатываться быстрее» (курсив автора) (Там же: 69).

Селекция и варьирование — разделение данных эволюционных функций обеспечивается уже благодаря тому, что они соотносятся с различными компонентами системы общества: вариация соотнесена с элементами, т. е. с отдельными коммуникациями, а селекция, напротив, — со структурами, т. е. с образованием и приложением процесса ожиданий.

Луман задается вопросом, какие механизмы заботятся о том, чтобы общество заблаговременно настраивалось на одну или другую возможность селекции (Там же: 79). *В чем состоят способы укрепления средств селекции?* Наравне с религией появляются другие способы гетерогенного, но функционально-эквивалентного укрепления средств селекции. Оно состоит в развитии функционально-специфических, символически-генерализированных средств коммуникации (теория генерализированных средств коммуникаций Н. Лумана известна в современной социологической литературе). Селекция, осуществляемая генерализированными средствами коммуникации (власть, деньги, наука и др.), реализует проверку того, можно ли сослаться на истины при осуществлении какого-либо действия и вытекающих из него перспектив; возможно ли профинансировать данную инновацию и достаточно ли власти для ее внедрения вопреки сопротивлению. Если коммуникация — при наличии данных структур — актуализирует отклоняющуюся вариацию, то последняя может уплотняться (или не уплотняться) в новую структуру.

Семантическую гипертрофию варьирования коммуникаций концептуализируют различные теории постмодерна. К примеру, трудно не согласиться с философскими интуициями Ж. Бодрийяра: многообразие коммуникаций и дальнейшее его увеличение становится для сознания не столько эволюцией, сколько симуляцией (Бодрийяр 2000). Основной мотив творчества философа — переживание неподлинности мира, данного нам в культурном опыте, его зараженности паразитарными, вторичными, идеологическими смыслами. «Симулякр» — единица ложного, неподлинного смысла, функционирующего в культуре. Действительность в массовом количестве (возрастающем вместе с частотой социальных информационных процессов) вырабатывает самодостаточные, независимые от трансцендентных образцов (ценностей) симулякры и все больше формирует из них жизненную среду современного человека. Ж. Бодрийяр анализирует этот феномен от симуляции (подделки и производства) вещей до симуляции ценностей в виде абстрактных сущностей, циркулирующих в обществе. С известной точки зрения, симулякры — не что иное, как некоторая ситуация беспорядочного взаимодействия вещей, обусловленная нарастанием информационного потока, особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный

характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии. Симулякр — знак или неполная актуализация тех или иных явлений эмпирической реальности. Снятие ограничений и законов, присущих этим явлениям, способно изменять их облик и ход сколько угодно разительно и глубоко, симулируя эти явления и тем самым позволяя легко усваивать их смысловой системе в виде набора знаков. Поэтому виртуальные практики, осуществляемые посредством «неполной актуализации эмпирической реальности» или симулякров, на вид представляются человеку не менее подлинной и радикальной альтернативой обычному, обыденному порядку существования. Обращение Ж. Бодрийера к «симулятивному псевдобытию» человека как фиксации неподлинности действительности развивает утверждение о семантической гипертрофии варьирования коммуникации. Коммуникаций становится слишком много для человека-размерной темпоральности. Своими потоками они привносят в действительность индивида и общества хаос и дезориентацию. Человек и общество не только стремительно утрачивают связь друг с другом, но и обретают неподлинное бытие в условиях гипертрофированной социальной реальности.

С другой стороны, проблема семантической гипертрофии лежит в предметном поле теорий «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, С. Лэш и др.). Осмысление риска как значимого социального фактора в жизни современного общества связано с появлением контингентности (неопределенности), к которой приводит все та же семантическая гипертрофия девиации / варьирования. Н. Луман утверждал, что современное общество переживает свое будущее в форме риска решений, для него вопрос об экологии — это вопрос самосохранения общества. Под экологией теоретик понимал «совокупность научных исследований, которые на любом уровне системообразования занимаются последствиями дифференцирования окружающей среды системы и самой системы для окружающей среды» (Луман 2001: 127). За экологическими проблемами неопределенности, отсутствием единой, целостной самореференции общества кроется прогрессирующая функциональная дифференциация современного общества, в основаниях которой лежит ускорение и накопление (уплотнение) девиаций/вариаций. С одной стороны, в обществе возрастают возможности воздействия на окружающий мир. С другой, реагировать на возникшие изменения приходится не тем, кто их вызвал, а функциональным системам, которые считаются для этого полномочными (например, науке или политике). Н. Луман утверждал, что отсутствие в современном функционально дифференцированном обществе авторитетной позиции самонаблюдения ведет к легитимности

«коммуникации незнания» (Луман 1994). В контексте наших рассуждений легитимность «коммуникации незнания» — это признание нормой такого состояния общества, где степень дифференциации системы уже не поддается адекватной самореференции и наблюдению второго порядка. В рассматриваемом предметном поле можно дать такое определение риска: *риск — это коммуникация незнания.*

«Опасное движение» в сторону семантической гипертрофии варьирования продолжается. Объемы накопления и скорость варьирования неуклонно растут. На мой взгляд, *суть нарастания опасности заключается в росте потребности коммуникации в Неотрицаемом.* «Чем больше допущено возможностей отклонения (девиации), тем более важной становится потребность в Неотрицаемом» (Луман 2005: 66). Другими словами, структуры (ограничения возможного) порядка все более уступают девиации / варьированию.

Сетевые коммуникации как потенциальная локализация аномии

Социальная система общества вырабатывает новое, всеобъемлющее средство накопления и ускорения девиации, очередную «формулу спасения» социальной упорядоченности. Считаю, что *рост сетевого коммуникативного пространства дает принципиально новую возможность для реализации потребности в Неотрицаемом. Сеть составляет новую «формулу спасения» социального порядка.* Иначе эту мысль можно выразить так: *сетевые коммуникации воплощают Неотрицаемое и в этом смысле спасают упорядоченность общества, локализуя аномию в виртуальном сетевом пространстве.* Тем самым система общества пока еще обеспечивает безопасность самое себя.

Д.В. Иванов отмечает, что сеть как концептуальное решение в виде новых социальных процессов дает лишь представление о топологии и статике, это модель пространственного распределения, но не движения (Иванов 2010). Но анализ отслеживания процессов начинается с фиксации их структурности. Сеть, с ее узлами и связями — это «инфраструктура» потоков, сетевые потоки же возможно рассматривать как изменения различных фрагментов такой «инфраструктуры», поэтому изучение новой виртуальной реальности начинается с изучения сетевого пространства. В этом смысле сеть и «пространство потоков» (М. Кастельс) на представленном уровне исследования девиации / вариации не нуждаются в различении. С другой стороны, приходится согласиться, что необходима дальнейшая концептуализация потокового характера сетевого пространства, его устремленности и темпоральности. Заслуживает внимания вывод Д.В. Иванова о том, что суть определения потоковых структур заключается в движении *через*, т. е. в преодолении ранее

устоявшейся структуры. «Традиционные социальные структуры представляют собой разграничения. Институты и группы четко фиксируют и ограничивают зоны и диапазоны разных взаимодействий. Через эти границы, структурирующие привычную социальность, и идет ... перемещение вещей, людей, идей. Потоки ортогональны традиционным социальным структурам и потому образуют пересекающие границы транс-структуры» (Там же: 54).

В связи с развитием сетевых коммуникаций мы наблюдаем возникновение нового типа социума (Игнатъев 2009), возникает принципиально новая для европейской культуры парадигма мышления (Романов 2003). Net-мышление отлично от других типов не только по своим операциональным характеристикам, но и по критериям истинности продукта. В информационном обществе формируется новая техника существования. Сетевая коммуникация характеризуется вневещностью и доступностью, интерактивностью и массовостью.

Мир переживает процесс крушения квазирелигиозных идеологий XX в. и возрастание значения свободы личности от социальных структурных ограничений. В этих процессах сложно преувеличить роль сетевого коммуникативного пространства. Приобретающие в данном контексте особую индивидуальную и общественную ценность свойства активного субъекта получают благодаря Сети «резонатор-усилитель необычайной мощности, разгоняющий индивидуальные интенции до всепроникающих скоростей и всемирных масштабов» (Пронина 2002). Сеть становится стимулом и прообразом искомой интеграции: она активизирует коллективные процессы унификации, синхронизации, группового давления и в то же время увеличивает степени свободы индивида, дает непосредственный доступ к коллективному интеллекту, непосредственный выход в надличностное пространство символов, убеждений, коллективных чувств.

В сетевом коммуникативном пространстве потоки создают структуры. Всякий раз для коммуникации возникают новые условия ограничения в области допускающих подсоединение коммуникаций. Но говорить о стабильности потоковых структур не приходится по определению. Вспомним утверждение Н. Лумана, что структуры представляются «стабильными» в том случае, если существуют другие структуры, которые навязывают повторное применение первых. В условиях виртуального пространства коммуникационных потоков (сети) структуры, с одной стороны, ограничивают сферу возможного, с другой, всякий раз, меняясь и умножаясь, открывают сферу возможного. В итоге, можно утверждать, что *сетевая коммуникация не только сама по себе (ее вневещность, доступность, интерактивность), но рост ее интенсивности*

(вариативности и скорости) реализует Неотрицаемое. Дальнейшее накопление и ускорение девиации / вариации располагается отныне в виртуальном сетевом пространстве или в пространстве потоков (М. Кастельс, Д.В. Иванов). Там же формируются угрозы, новые, информационные, угрожающие безопасности общества, личности и государства. Такие стороны современной жизни, как соотношение возможностей сетевых коммуникаций с традиционными государственно-политическими структурами, национальными структурами, социально-культурными структурами, с одной стороны, и соотношение возможностей виртуального пространства с жизнью отдельного человека, с другой, все более определяют важность Сети для безопасности и развития.

Литература

- Афанасьев В., Гишинский Я.* Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: СПб Ф ИС РАН, 1995.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- Валерстайн Э.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
- Владимирова Т. В.* Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 123–129.
- Владимирова Т.В.* Социальная безопасность: к обоснованию социологической перспективы // Идеи и идеалы. 2011. №1 (7). Т. 2. С. 78–85.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2003.
- Гишинский Я.* Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб.: Ин-т социологии РАН, 1998.
- Девиантность и социальный контроль в России (XIX — XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я. Гишинского. СПб.: Алетейя, 2000.*
- Иванов Д.В.* Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 3. С. 51–65.
- Ивашов Л.Г.* Россия и мир в новом тысячелетии. М.: Палея, 2000.
- Игнатъев В.И.* Социальная система как информационное взаимодействие: коллективная монография / В.И. Игнатъев, Т.В. Владимирова, А.Н. Степанова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009.
- Кравченко С. А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: «Ан-кил», 2009.
- Луман Н.* Понятие риска // THESIS. 1994. № 5.
- Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Праксис, 2001.
- Луман Н.* Эволюция / Пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2005.
- Манилов В.Л.* Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6.
- Пронина Е.Е.* Психология журналистского искусства. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 317–318.
- Романов О.В.* Философия Интернета (генезис и синтез фундаментальных идей). Самара: Перспектива, 2003.

Социология девиантности

Романович А. Л. Перспективы развития и обеспечения безопасности: философско-методологические проблемы. М.: Изд-во МГУК, Изд. дом «Друг», 2002.

Сацута А.А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма // Вестник Военного университета. 2007. № 3.

Тюгашев Е.А. Криминология и синергетика // Вестник Новосибирского государственного университета. 2008. Т. 4. Вып. 2.